

**Открытое заседание Отдела кавказских языков
ИЯз РАН, приуроченное к 75-летию М. Е. Алексева**

Зарина Рафиковна Керимова

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
zarina.k1721@gmail.com*

**Open meeting of the Department of Caucasian
Languages of the Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences, dedicated to the
75th anniversary of the birth of M. E. Alekseyev**

Zarina Rafikovna Kerimova

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
zarina.k1721@gmail.com*

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-2-260-267

24 октября 2024 г. в Институте языкознания Российской академии наук прошло открытое заседание Отдела кавказских языков, приуроченное к 75-летию выдающегося кавказоведа **Михаила Егоровича Алексева** (1949–2014), основателя журнала «Родной язык». Заседание проходило в смешанном (очном и онлайн) формате, что обеспечило участие коллег и заинтересованных слушателей, находящихся за пределами Москвы. Оно продолжило серию мероприятий памяти М. Е. Алексева — первое открытое заседание Отдела прошло в год смерти ученого [см. Майсак 2014], а в 2019 г. состоялась двухдневная мемориальная

конференция «Кавказские языки: типология и диахрония» [см. Багирова 2019].

О вкладе Михаила Егоровича в изучение кавказских языков и организацию кавказоведческих исследований рассказал во вступительном слове заведующий Отделом кавказских языков ИЯз РАН и директор Института лингвистики РГГУ, д.ф.н. Я. Г. Тестелец. Он особенно отметил вклад М. Е. Алексеева в сравнительно-историческое изучение языков нахско-дагестанской семьи (прежде всего лезгинских и аваро-андо-цезских), в разработку описательных грамматик дагестанских языков, а также в подготовку кавказоведческих кадров не только в Москве, но и в республиках Северного Кавказа. С 2002 по 2014 г. Михаил Егорович возглавлял Отдел кавказских языков, он также входил в состав диссертационных советов при ИЯз РАН и РГГУ, руководил работами молодых ученых.

В открытом заседании участвовали как сотрудники Отдела кавказских языков, так и коллеги из других организаций. Тематика докладов соответствовала научным интересам самого М. Е. Алексеева (вопросы фонетики, сравнительно-историческая реконструкция, грамматические категории, создание букварей для бесписьменных языков). В роли председателя на заседании выступил в.н.с. Отдела, д.ф.н. Т. А. Майсак.

Первым свой доклад на тему «Случаи спирантизации и деспирантизации в даргинских языках» представил г.н.с. Отдела, д.ф.н. Р. О. Муталов. В его исследовании были проиллюстрированы процессы спирантизации и деспирантизации в нескольких даргинских идиомах (о классификации языков внутри даргинской группы см. [Муталов 2021]). Общие случаи спирантизации отмечаются в направлении с юго-запада на северо-восток, то есть от южнодаргинских языков к северодаргинским (стоит отметить, что более архаичными в даргиноведении считаются южные идиомы). К общим случаям спирантизации можно отнести, например, такие переходы (слева обозначены слова южнодаргинских идиомов, справа — северодаргинских):

- переход аффрикаты *ц* в щелевой *с*: *це* ‘что?’ – *се*, *цаби* ‘есть’ (связка) – *саби*;
- переход фарингального смычного *гI* в щелевой *хI*: *гIу* ‘ты’ – *хIу*, *бегI* ‘край’ – *бехI*.

Кайтагский диалект включают такие частные случаи спиратизации, как *б* → *в* (ср. акушинское *бариб* ‘сделал’ – кайтагское *барив*), *хэ* → *х* (ср. *чебаахъес* ‘показать’ – *чиба-жахара*). Отдельные случаи спиратизации отмечаются и в других идиомах, например в кадарском (*кэ* → *гэ*, *к* → *г*, *д* → *з*), урахинском (*ч* → *ш*, *к* → *хь*), урцаки-сутбукском (*к* → *хь*, *ч* → *ш* и т. д.) и др. К частным случаям деспиратизации можно отнести, например, соответствие щелевого *с* в большинстве даргинских идиомов смычному *т* в кубачинском диалекте: *сими* ‘гнев’ – *тима*, *муси* ‘золото’ – *муте*; в кайтагском реализуется переход щелевого в аффрикату *ц*: *сакуй* ‘привести’ (ицаринское) – *цакара* (кайтагское), *сакзуй* ‘принести’ – *цакъара*. По мнению докладчика, направление частных случаев спиратизации и деспиратизации идет от западных говоров к восточным.

Тему исторических процессов в даргинской фонетике продолжила с.н.с. Отдела, д.ф.н. Н. Р. Сумбатова с докладом «Реконструкция постувулярных согласных в прадаргинском языке». Она рассмотрела соответствия согласных фарингального и ларингального места образования, а также предприняла попытку реконструкции соответствующего фрагмента прадаргинской системы согласных. Систематизировав корреляции между фарингализованными гласными (которые в разных даргинских языках имеют различную дистрибуцию) и их консонантным окружением, докладчица выдвинула гипотезу о том, что на протодаргинском уровне фарингализация была просодическим признаком, при этом фонетически реализовывалась и на гласных, и на определенных согласных. В этом случае для тривиальных соответствий достаточно реконструировать две исходных фонемы – **ʔ* и **h*, прочие же фарингальные и ларингальные согласные могут являться их позиционными вариантами в контексте фарингализации. Эта

гипотеза объясняет, почему в некоторых идиомах при отсутствии признака фарингализованности у гласных противопоставление фарингальных и ларингальных согласных тем не менее присутствует (ср. мегебское *hamħa* ‘осел’). Однако эта гипотеза не объясняет наличия таких серий однокоренных слов в идиомах даргинского, в которых присутствуют как фарингальные, так и ларингальные согласные; ср. ‘осел’: *ħamħa* (кадарский) – *hamħa* (мегебский) – *emħe* (акушинский) – *himħa* (муиринский) – *ħaʼmħaʼ* (тантынский) – *amħa* (ицаринский) – *emħa* (кайтагский) – *amħa* (чирагский) – *ħaʼmħaʼ* (кубачинский). Также нуждается в объяснении и тот факт, что в некоторых идиомах даргинского после фарингального согласного присутствует противопоставление гласного *a* по фарингализации (ср. муиринский: *ʔanila* ‘подушка’ – *ʔaʼwa* ‘жирный’). Внимание в докладе было также обращено на пятый элемент *ʃ*, который возникает в тантынском диалекте даргинского (а также в хуцуцком и урцакинском). Так как данный звук проявляется в диалектах, не соседствующих друг с другом, Н. Р. Сумбатова предлагает не относить данный звук к инновации, а реконструировать еще один прадаргинский постувулярный согласный **ʃ*.

Два следующих сообщения были посвящены грамматическим темам, а именно семантике глагольных категорий. Доклад о средствах выражения эвиденциальности в хваршинском языке (западноцезская подгруппа цезских языков), основанный на полевой работе 2023 г., представила выпускница ИЛ РГГУ, студентка магистратуры НИУ ВШЭ Е. Е. Полякова. Докладчица рассказала о трех способах выражения эвиденциальности в хваршинском языке: противопоставлении двух прошедших времен («прямое» прошедшее vs. «непрямое» прошедшее), клитике =*λa*, передающей чужую речь, и аналитической конструкции со вспомогательным глаголом *isa* ‘найти’. Противопоставление двух прошедших времен (PST.W — «прямое», засвидетельствованное, PST.U — «непрямое», незасвидетельствованное) можно проиллюстрировать такими четырьмя контекстами:

- (1) *hũłχo qeta liχ-χa*
 вчера дождь идти_вниз-PST.W
 ‘Вчера шел дождь’.
 (Контекст 1: Я видела, как шел дождь; Контекст 2:
 Я не видела, но слышала, как капли стучали за окном.)
- (2) *hũłχo qeta liχ-na*
 вчера дождь идти_вниз-PST.U
 ‘Вчера шел дождь’.
 (Контекст 3: Кто-то мне рассказал, что идет дождь;
 Контекст 4: Я проснулась и увидел за окном лужи.)

В качестве основных контекстов употребления формы непрямого прошедшего времени были выделены следующие ситуации: наличие косвенного источника информации, фольклорный нарратив, осознание увиденного («эффект апостериорного распознавания»), «всплывшее» воспоминание.

Клитикой =*łła* может маркироваться а) финитный глагол, в таком случае контекст соответствует значению ‘мне об этом кто-то сказал’, б) обстоятельство (например, места), в таком случае в фокусе находится обстоятельство (‘именно там, а не тут’) или субъект, в таком случае в фокусе находится субъект (‘именно он, а не другой’). Аналитические же конструкции с глаголом *isa* в форме «общего времени» (GNT) выступают в эпистемических контекстах, источник информации при этом может быть презумптивным или инферентивным, ср. (3).

- (3) *Kalimat vwade j-at't'-a isa:te*
 Калимат завтра II-приходить-INF находить\GNT.NEG
 ‘Калимат завтра не придет’.
 (Контекст: Калимат выглядит больной, ей нездоровится.
 Наверное, завтра она не сможет прийти ко мне в гости.)

В заключение докладчица рассмотрела сочетаемость различных средств выражения. Так, клитика =*łła* может выступать совместно с обеими формами прошедшего: =*łła* и прямое прошедшее возможно в случае прямого визуального доказательства, =*łła* и непрямо прошедшее —

в случае передачи информации от третьего лица. Клитика может также выступать совместно с глаголом *isa*, это сочетание реализуется в контекстах неуверенности или эпистемической вероятности.

А. А. Ростовцев-Попель (Ph. D., Майнцский университет) выступил с докладом «The layered complexity of the verbal aspect in Megrelian» — «Многоуровневая сложность глагольного аспекта в мегрельском языке», посвященным тому, как функционируют различные средства выражения аспекта в мегрельском языке и, в частности, как они взаимодействуют друг с другом, образуя многоуровневые структуры. Морфологическая структура мегрельского глагола в префиксальной части выглядит следующим образом (цифра обозначает позицию показателя, считая от основы): -6 перфектив, фокус и пр., -5 пространственные превербы, -4 прогрессив, -3 эвиденциальность, -2 референциальность, -1 валентность, 0 основа. Основных глагольных классов в мегрельском языке на основе морфологических и морфосинтаксических свойств можно выделить четыре. В каждой серии представлен свой набор грамматических категорий из группы TAME (т. е. время, аспект, модальность/наклонение, эвиденциальность). В общей сложности в мегрельском языке насчитывается 33 синтетических, 16 простых аналитических и 4 сложных аналитических форм (точнее, парадигм) TAME. Многоуровневость возникает за счет появления категорий TAME одновременно в разных слотах структуры мегрельского глагола.

Особенностью мегрельского языка является наличие особых перфективных и имперфективных форм, которые не встречаются в других картвельских языках (ср. имперфективизатор *-tima* в (4)). Так, в имперфективной зоне встречаются как обычные имперфективы, так и «выделенные» (*dedicated*) имперфективы, к которым относятся будущее время и кондиционал, а также «дважды выделенные» (*double-dedicated*) имперфективы, к которым относятся эвиденциальные формы и прогрессив в будущем времени.

- (4) *q'azaq'-i* *txir-s*
 peasant-NOM hazelnut-DAT
ge-t[ti]ma-Ø-k'orob-un-d-u-k'on /
 PRV-PROGR-DO3-collect-SM-EM-SBJV-S3SG.PST-COND
eš[a]-[ti]ma-Ø-k'orob-un-d-u-k'on
 PRV-PROGR-DO3-collect-SM-EM-SBJV-S3SG.PST-COND
Ø-i-?-u-ap-u[n]-d-[u]
 S3-VAL-be-AUG-AUX-SM-EM-[S3SG.PST]
 'The peasant, bent down, would have been {collecting /
 collecting selected} hazelnuts (from the ground).'

Последним докладчиком открытого заседания стал с.н.с Ияз РАН и преподаватель АБИГИ, д.ф.н. В. А. Чирикба, рассказавший о первом абхазском букваре на латинской графической основе — букваре Мустафы Бутба, изданном в Стамбуле в 1919 г. Докладчик обратил внимание на особенности предложенного Мустафой Бутба алфавита. Этот алфавит предполагает сложные правила чтения, в частности из-за использования разных знаков для одинаковых звуков в зависимости от позиции в написанном слове: *a gu* (*[a]gəy*) 'сердце', но *adidre* 'гром' (*adydɾ[a]*). Алфавит включает в себя также знаки разных регистров, которые по своему выражению не совпадают: заглавная Е может быть использована для передачи глоттализации, палатализации, удлинения гласного и пр., в то время как е может выражать гласные *a* и *e*. Необычной для кавказских график является и передача согласных звуков на письме: так, например, лабиализованный глухой шипящий спирант изображается сочетанием *fš*, а его звонкий коррелят – посредством грузинской буквы *ჟ*. Закрытые билабиальные дентальные смычные отображаются как сочетания базовых знаков для дентальных смычных и знаков для билабиальных смычных (*tp*, *db*), лабиодентальные спиранты отображаются путем удвоения (*ss*, *zz*), аффрикаты отображаются сочетанием двух знаков (*dç*, *tc*). Между начальными кластерами согласных автор букваря вводит знаки *i* или *l* – данная особенность правил орфографии встречается также в современном турецком алфавите.

В. А. Чирикба предположил, что абхазский и черкесский алфавиты могли повлиять на создание турецкого латинского письма (которое было введено позже). В пользу этого предположения говорит использование знака *ç* для глухой шипящей аффрикаты и *j* для передачи звонкого шипящего спиранта.

Литература

Багирова 2019 — Багирова И. Г. Международная конференция «Кавказские языки: типология и диахрония» (Москва, ИЯз РАН, 23–24 октября 2019 г.). *Родной язык*, 2019, 2: 129–137.

Майсак 2014 — Майсак Т. А. Открытое заседание отдела кавказских языков Института языкознания РАН, посвященное теме «М. Е. Алексеев и перспективы дагестанского языкознания». *Родной язык*, 2014, 1(2): 174–179.

Муталов 2021 — Муталов Р. О. Классификация даргинских языков и диалектов. *Социоллингвистика*, 2021, 3(7): 8–25.

References

Bagirokova I. G. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Kavkazskie yazyki: tipologiya i diakhroniya» [International conference “Caucasian languages: typology and diachrony”]. (Moskva, IYaz RAN, 23–24 oktyabrya 2019 g.). *Rodnoy yazyk*, 2019, 2: 129–137. (In Russ.)

Maysak T. A. Otkrytoe zasedanie otdela kavkazskikh yazykov Instituta yazykoznaneya RAN, posvyashchennoe teme «M. E. Alekseev i perspektivy dagestanskogo yazykoznaneya» [Open meeting of the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the topic “M. E. Alekseev and the prospects of Dagestan linguistics.”]. *Rodnoy yazyk*, 2014, 1(2): 174–179. (In Russ.)

Mutalov R. O. Klassifikatsiya darginiskikh yazykov i dialektov [Classification of Dargin languages and dialects]. *Sotsiolingvistika*, 2021, 3(7): 8–25. (In Russ.)